

АМАНДА ПАДОАН | ПИТЕР ЦУКЕРМАН

СМЕРТЕЛЬНЫЙ СПУСК

18+

ПОСЛЕ ТРАГЕДИИ

1996 ГОДА НА ЭВЕРЕСТЕ

БЫЛО ОЧЕВИДНО, ЧТО ОНА

РАНО ИЛИ ПОЗДНО ПОВТОРИТСЯ.

В 2008 ГОДУ ЭТО СЛУЧИЛОСЬ НА **K2**

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

**Питер Цукерман
Аманда Падоан
Смертельный спуск.
Трагедия на одной из самых
сложных вершин мира – К2
Серия «Мир адреналина. Книги
про экстремальный спорт»**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68843040

*Смертельный спуск. Трагедия на одной из самых сложных вершин
мира:*

ISBN 978-5-04-181476-2

Аннотация

Вершина К2, или Чогори, из-за чрезвычайной сложности восхождения получила название «Дикая гора». Ее высота составляет 8611 метров – это самый северный восьмитысячник мира и третья вершина после Аннапурны и Нанга-Парбат по показателю смертности.

В августе 2008 года 11 альпинистов из нескольких экспедиций погибли на восхождении – такого количества жертв за один сезон не было за всю историю горы.

Авторы книги провели беспрецедентное исследование, взяли более 200 интервью и смогли воссоздать реальную историю трагедии, в том числе благодаря откровенным рассказам пакистанских и непальских высотных носильщиков.

Книга дополнена биографиями известных альпинистов, историями о других попытках восхождения на К2 и мифологией региона.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Отзывы о книге	5
Действующие лица	8
От автора	14
Зона смерти. Пролог	17
Часть I	26
Вершинная горячка	26
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Аманда Падоан, Питер Цукерман Смертельный спуск. Трагедия на одной из самых сложных вершин мира

Отзывы о книге

Определенно, это одна из выдающихся работ в жанре «альпинизм»... Освещение событий высочайшего качества.

Джим Перрин, цитата из речи на вручении премии «Banff Mountain Festival Book Award» в номинации «История альпинизма»

Заметный вклад в литературу об альпинизме... Безупречное исследование... Авторы делают акцент на человеческих чертах неизвестных героев альпинистского мира, их надеждах и мечтах о лучшей жизни.

Цитата из речи на вручении премии «National Outdoor Book Award»

«Смертельный спуск» раскрывает героические действия шерпов. Книга показывает, насколько сильны, преданны и талантливы альпинисты-шерпы. Наконец добрую славу получил тот, кто ее заслуживает.

Эд Вистурс, автор бестселлеров «No Shortcuts to the Top» и «K2: Life and Death on the World's Most Dangerous Mountain»

Информативная и вдохновляющая книга... Я не мог от нее оторваться.

Джамлинг Тенцинг Норгей, сын Тенцинга Норгея и автор книги «Touching My Father's Soul»

Peter Zuckerman, Amanda Padoan

Buried in the Sky: The Extraordinary Story of the Sherpa Climbers on K2's Deadliest

Peter Zuckerman and Amanda Padoan, 2012

This edition published by arrangement with Writers House LLC and Synopsis Literary Agency.

© Peter Zuckerman and Amanda Padoan, 2012

© This edition published by arrangement with Writers House LLC and Synopsis Literary Agency

© Крузе М.А., перевод на русский язык, 2023

© Бойко С.В., литературный редактор, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Абрару, Алмасу, Асаму, Даве, Джен-Джену,

Ниме, Рамину, Амбрине и Зехану

Действующие лица

В 2008 году более семидесяти человек пытались взойти на К2. Ниже список альпинистов, руководителей экспедиций, спасателей, вспомогательного персонала, синоптиков, сыгравших большую роль во время катастрофы, описанной в книге.

ИМЯ – СВЕДЕНИЯ

Альберто Зерайн – баскский альпинист-одиночка

Амир Масуд – пилот «Бесстрашной пятерки»

Большой Пасанг Бхоте – участник южнокорейской экспедиции «Прыжок с разбегу»

Вилко ван Ройен – участник голландской экспедиции Norit

Го Ми Сун (мисс Го) – участница южнокорейской экспедиции «Прыжок с разбегу»

Джерард Макдоннелл – участник голландской экспедиции Norit

Джехан Бейг – участник возглавляемой французом независимой экспедиции

Джумик Бхоте – участник южнокорейской экспедиции «Прыжок с разбегу»

Дрен Мандич – участник сербской экспедиции «Воеводина»

Изо Планич – участник сербской экспедиции «Воеводина»

на»

Йелле Стейлман – участник голландской экспедиции Norit

Карим Мехербан – участник возглавляемой французом независимой экспедиции

Кас ван де Гевель – участник голландской экспедиции Norit

Ким Чже Су (мистер Ким) – участник южнокорейской экспедиции «Прыжок с разбегу»

Ким Хе Гён – участник южнокорейской экспедиции «Прыжок с разбегу»

Крис Клинке – участник американской международной экспедиции на К2

Курт Хагенс – участник голландской экспедиции Norit

Ларс Флато Несса – участник норвежской экспедиции на К2

Марко Конфортаола – участник итальянской экспедиции на К2

Мартен ван Эк – участник голландской экспедиции Norit

Мухаммад Хуссейн – участник сербской экспедиции «Воеводина»

Надир Али Шах – участник сербской экспедиции «Воеводина»

Ник Райс – участник возглавляемой французом независимой экспедиции

Пак Кён Хе – участник южнокорейской экспедиции «Пры-

жок с разбегу»

Пасанг Лама – участник южнокорейской экспедиции «Прыжок с разбегу»

Пемба Гьялдже Шерпа – участник голландской экспедиции Norit

Предраг (Педья) Загорак – участник сербской экспедиции «Воеводина»

Роланд ван Осс – участник голландской экспедиции Norit

Рольф Бае – участник норвежской экспедиции на К2

Сесиль Ског – участница норвежской экспедиции на К2

Сулеман аль-Файсал – пилот «Бесстрашной пятерки»

Фредрик Стренг – участник американской международной экспедиции на К2

Хван Дон Чжин – участник южнокорейской экспедиции «Прыжок с разбегу»

Хоселито Бите – сербский альпинист

Хьюго д’Аубаред – участник возглавляемой французом независимой экспедиции

Церинг Лама (Чхириг Бхоте) – участник южнокорейской экспедиции «Прыжок с разбегу»

Чхириг Дордже Шерпа – участник американской международной экспедиции на К2

Шахин Бейг – участник сербской экспедиции «Воеводина»

Эрик Мейер – участник американской международной экспедиции на К2

Ян Гизенданнер – участник возглавляемой французом независимой экспедиции

Шрифтом выделены имена альпинистов, погибших на К2 в августе 2008 года.

Вид на К2 с ледника Балторо, Пакистан

От автора

Питер Цукерман

Во многих книгах и статьях, посвященных альпинизму, описывается, как люди поднимаются по склону по перильным веревкам, невзирая на смертельную опасность. Но как эти веревки попали на гору? Кто проводит спасательные операции? Когда жизнь зависит от узла, хорошо бы понимать, кто его завязал.

Некоторые истории остаются неизвестными. Мало кто из западных журналистов говорит на таких языках, как ачжак бхоте, балти, бурушаски, шар-кхумбу тамгни, тамгни шерп Ролвалинга или ваханском. Репортеры, как правило, не могут связаться с местными альпинистами по телефону или по электронной почте, а писатели, у которых поджимают сроки, редко находят время, чтобы отправиться в отдаленные горные деревни. Поэтому рассказы тех, кто живет и работает в высокогорье, почти всегда остаются за кадром. У выживших в зоне смерти случаются провалы в памяти, а поток новостей в СМИ не позволяет точно восстановить события — родственники, поклонники, друзья и публицисты рассказывают каждый свое. Травмы и гипоксия усугубляют путаницу

в показаниях. Как и на войне, свидетели, видевшие одно и то же, иногда излагают различные версии событий. Тем не менее мы с Амандой попытались найти истину и описать случившееся непредвзято.

Это исследование длилось два года. Мы семь раз побывали в Непале, в районах, закрытых для журналистов и редко посещаемых туристами, трижды съездили в Пакистан и во многом благодаря стараниям президента Альпинистского клуба Пакистана Назира Сабира получили беспрецедентный доступ к правительственным чиновникам и военным. В целом мы взяли интервью у более чем двухсот человек и провели бесчисленное количество часов за кухонными столами во Франции, Нидерландах, Ирландии, Италии, Норвегии, Сербии, Испании, Швейцарии и США. Мы использовали более тысячи фотографий и видео. Книга воссоздает реальную историю. Более подробную информацию о методах исследования и источниках можно найти в примечаниях.

Отправным моментом для написания книги послужила смерть Карима Мехербана, друга Аманды. Незадолго до этого Аманда родила и не могла самостоятельно проводить все исследования. Поэтому предложила мне, своему двоюродному брату, стать соавтором. Я был корреспондентом ежедневной газеты и ни разу в жизни не надевал альпинистские кошки. Но из-за этой истории я ушел с работы, взял ноутбук и отправился в Гималаи. Действующие лица были настолько интересными, цель настолько важной, а путешествие на-

столько захватывающим, что отказаться было невозможно.

*Портленд, Орегон,
ноябрь 2011 года*

Зона смерти. Пролог

Пакистан, Бутылочное горлышко K2, зона смерти, высота около 8200 метров

Единственным, что отделяло от смерти шерпу по имени Чхиринг Дордже, был ледоруб, на котором он висел на склоне. Массивная глыба льда, сорвавшаяся выше, с грохотом летела на него. Она была размером с холодильник.

Шерпа ощутил, как от страха скрутило живот. Он попытался сдвинуться в сторону. Машина подскочила и пронеслась мимо, в темноту, едва не задев плечо Чхиринга. Бум! Ударившись обо что-то внизу, глыба разлетелась. Склон сотрясся от удара. Снег взметнулся столбом.

Было около полуночи 1 августа 2008 года, и Чхиринг смутно представлял себе, где находится: в Бутылочном горлышке K2 или возле него – на самом опасном участке самой опасной горы примерно на высоте полета пассажирского лайнера. Бутылочное горлышко терялось во мраке внизу. В свете звезд этот кулуар казался бездонным, клочья тумана ползли в пропасть. А наверху кромка из снега и льда нависала, словно гребень застывшей волны.

Из-за недостатка кислорода Чхиринг не мог мыслить яс-

но. Голод и усталость отнимали последние силы. Сухой холодный воздух резал глаза, а стоило открыть рот, чтобы сделать вдох, язык начинал замерзать, а горло жгло.

Чхиринг действовал механически, холод и изнеможение не давали задуматься над тем, чем пришлось пожертвовать для подъема на К2. Альпинист-шерпа занимался восхождениями годы напролет и десять раз побывал на Эвересте. К2 намного сложнее Эвереста, и ее вершина – одно из самых престижных достижений в высотном альпинизме. Чхиринг отправился в эту экспедицию, несмотря на слезы жены. Несмотря на то что восхождение стоило больше, чем его отец заработал за сорок лет. Несмотря на то что буддистский лама предостерег, что богиня К2 никогда не будет благосклонна к восхождению.

Этим вечером Чхиринг стоял на вершине К2, куда поднялся без использования искусственного кислорода. Благодаря этому он попал в альпинистскую элиту. Однако спуск пошел не по плану. Шерпа мечтал о достижении, о том, что его будут встречать как героя, о славе. Но теперь все это не имело значения. У Чхиринга были жена, две дочери, хороший бизнес и десяток родственников, которые от него зависели. И все, чего он хотел сейчас, – вернуться домой. Живым.

Как правило, спуск с горы безопасней. Альпинисты обычно начинают идти вниз днем, когда теплее и путь хорошо

виден. Они спускаются дюльфером¹, скачками преодолевают лед по перильной веревке, контролируя скорость. Район Бутылочного горлышка, где велика лавинная опасность, нужно пройти как можно быстрее, чтобы минимизировать риск. На быстрый спуск рассчитывал и Чхиринг.

Но сейчас была безлунная ночь, а перильные веревки исчезли – их срезал упавший лед. Идти назад, наверх, – невозможно. В отсутствие перил единственное, что давало опору и помогло бы остановить падение, – ледоруб. Но на кону стояла не только жизнь Чхиринга, он спускался в связке с еще одним альпинистом.

Человеком, висевшим чуть ниже на связывающей обоих мужчин веревке, был Пасанг Лама. Тремя часами ранее Пасанг оставил свой ледоруб попавшим в беду альпинистам. Он думал, что обойдется без него. Как и Чхиринг, Пасанг планировал спуститься дюльфером по перильным веревкам.

Когда выяснилось, что перил нет, Пасанг понял, что пришло время умирать. Он застрял на склоне и без помощи не мог сдвинуться ни вниз ни вверх. Но помочь было некому. Альпинист, решивший спускаться в связке с Пасангом, несомненно, сорвется. Удержать при помощи ледоруба вес одного человека, особенно если произойдет срыв в районе Буты-

¹ Один из относительно безопасных способов спуска по веревке на крутых участках горного рельефа, придуманный в начале XX века немецким альпинистом Гансом Дюльфером. В настоящее время под термином «дюльфер» понимают в том числе спуск по веревке с помощью специальных спусковых устройств. – *Здесь и далее примечания редактора.*

лочного горлышка, почти невозможно. Остановить падение двух человек невозможно вдвойне, это двойной риск. Пасанг понимал, что попытка спасти его – это самоубийство. Альпинисты должны рассчитывать на себя. Любой прагматичный человек оставил бы его умирать.

Собственно, один шерпа уже так и сделал: прошел мимо. Пасанг предполагал, что Чхиринг поступит так же. Они работали в разных экспедициях, и Чхиринг не обязан был помогать. Но теперь Пасанг висел в трех метрах ниже, связанный с Чхирингом страховочной веревкой.

Уклонившись от ледяной глыбы, мужчины склонили головы и мысленно обратились к горной богине. Ответ не заставил себя ждать. Звук был похож на электронный. Будто кто-то дернул натянутую, подобно струне, резиновую ленту и пропустил звук через педаль для электрогитары. Звуки не прекращались, становились громче, протяжнее, звучали то слева, то справа. Альпинисты понимали, что это значит. Лед выше по склону трескался и откалывался. С каждой минутой трещин становилось все больше.

Когда видишь летящий кусок льда, можно постараться уклониться. Если не получается, можно попробовать выдержать удар. Но в конце концов сорвется глыба размером с автобус, и тут останется только молиться. Чхирингу и Пасангу нужно было спуститься, прежде чем ледовый обвал сметет их.

Чак. Чхиринг воткнул ледоруб в лед. *Шинк.* Он ударил

по льду ногой, вонзив в него зубья кошек. Так он спустился на пару метров – *чак, шинк, шинк, чак, шинк, шинк*, затем остановился, чтобы Пасанг мог двигаться в таком же ритме.

Пасанг бил по склону кулаком, пытаясь сделать в твердой поверхности нечто вроде выступов – зацепок, за которые можно держаться. Получалось плохо – зацепки не выдерживали его вес. Когда Пасанг переставлял ноги, нагрузка на страховочную веревку увеличивалась. *Шинк*. Пасанг вбивал зубья кошек в лед, чтобы уменьшить нагрузку.

Вес тела, привязанного к веревке, грозил сорвать Чхиринга со стены, но пока получалось держаться. Иногда они с Пасангом спускались бок о бок, держа друг друга за руку и координируя движения. Но в основном Пасанг шел первым, пока Чхиринг закреплялся на склоне при помощи ледоруба и контролировал веревку.

Камни и куски льда катились по склону, стучали по камням, но шерпы были на полпути вниз и надеялись на спасение. Ночь была безветренной, с температурой около минус двадцати, то есть, можно сказать, почти теплой для К2. Внизу уже виднелись огни лагеря. Но все же это случилось.

Камень или крупный кусок льда ударил Пасанга по голове, и он на мгновение обмяк, словно кукла из папье-маше, повиснув на веревке. Этот рывок сдернул Чхиринга, и они поехали вниз.

Шерпа двумя руками ухватился за ледоруб и вонзил его в поверхность склона. Но клюв не зацепился, он прорезал

снег. Чхиринг прижался грудью к ледорубу, пытаясь вдавить его сильнее. Тщетно. Они съезжали все быстрее: еще пять метров, еще десять.

Пасанг тоже старался зацепиться, удержаться, но пальцы скользили по льду. Они оба проваливались все дальше в темноту.

Их крики должны были разноситься по Бутылочному горлышку, но находившиеся выше по склону люди ничего не слышали. Они были глухи ко всему, потому что сами оказались в критической ситуации. Одни в смятении, страдая галлюцинациями, сошли с маршрута. Другие сумели успокоиться и пытались принять взвешенное решение, выбирая из двух зол: в темноте спускаться свободным лазанием по Бутылочному горлышку или провести холодную ночевку в зоне смерти.

Джерард Макдоннелл, несколько часов назад ставший первым ирландцем на вершине К2, выбил два небольших углубления в снегу, чтобы было куда сесть и во что упереться ступнями. Если пойдет лавина, это не поможет, но так можно хотя бы переждать ночь.

Другой альпинист, итальянец по имени Марко Конфортولا, пристроился рядом. Чтобы не заснуть, они заставляли себя петь. Охрипшими голосами мужчины орали песни, какие могли вспомнить. Пели что угодно, лишь бы не заснуть. Сон – это смерть.

Примерно в это же время совершивший восхождение

француз Хьюго д'Аубаред позвонил по спутниковому телефону своей девушке и пообещал: «Я больше никогда тебя не оставлю. Я закончил с этим. В следующем году в это время мы будем сидеть на пляже». Но чуть позже француз сорвался в Бутылочном горлышке и разбился насмерть. Его высотный носильщик пакистанец Карим Мехербан, сбившись с маршрута, вышел на ледовый карниз над Бутылочным горлышком и тоже сорвался и теперь лежал на снегу, медленно замерзая, не в силах пошевелиться.

Ниже по склону еще несколько минут назад спускались норвежцы – муж и жена. Они отправились на восхождение в медовый месяц. Но теперь женщина шла вниз одна – ее мужа только что смело ледовым обвалом.

Многие эти альпинисты считали себя лучшими. Они прибыли из Испании, Ирландии, Италии, Непала, Нидерландов, Норвегии, Пакистана, Сербии, США, Франции, Швеции и Южной Кореи. Некоторые рискнули всем, чтобы покорить К2. Но ситуация вышла из-под контроля, и расплата была жестокой: чуть больше чем за сутки погибли одиннадцать человек. На данный момент это самая масштабная катастрофа за всю историю восхождений на К2.

Что пошло не так? Почему альпинисты продолжали восхождение, зная, что не успеют спуститься засветло? Как могли они совершить так много простых ошибок, например не взяли с собой достаточно веревок?

История стала сенсацией, заняв место на первых полосах New York Times, National Geographic Adventure, Outside и более тысячи других изданий. Затем она перекочевала в социальные сети, обросла множеством версий и послужила сюжетом для документальных фильмов, театрализованной реконструкции, мемуаров и ток-шоу.

Многие считали это восхождение примером гордыни, потерей жизни из-за самоуверенности или помешательства. Кто был на горе? Любители острых ощущений, изо всех сил старавшиеся, чтобы их заметили крупные спонсоры? Лунатики, желавшие убежать от действительности? Беззаботные люди Запада, эксплуатировавшие нищих непальцев и пакистанцев в своем стремлении к славе? А с другой стороны, СМИ, наживавшиеся на смертях, зеваки, получившие зрелище и тему для обсуждения.

«Вы хотите рискнуть жизнью? – говорилось в ответе на одну из статей в New York Times. – Так сделайте это ради своей страны, семьи или соседей. Восхождение на К2 или на Эверест – эгоистичная выходка, от которой никакой пользы».

«Тоже мне герои, – отмечал другой читатель. – Эти эгоисты должны держаться подальше от гор».

Другие видели в этом отвагу: альпинисты бросают вызов природе, потерянные души идут на риск, чтобы найти смысл в этом пустом мире.

«Альпинизм расширяет знания о границах возможно-

го», – говорилось в письме, которое разослал в СМИ исполнительный директор Американского альпинистского клуба Фил Пауэрс.

Автор другого письма перефразировал известное высказывание Теодора Рузвельта: «Лучше отважиться на значительное свершение и добиться успехов, пусть не без провалов, чем быть в числе тех, кто не ликует и не страдает и живет в сумерках, не зная ни побед, ни поражений».

Многие задавали стандартные вопросы. Что делают альпинисты, когда смерть неизбежна? Почему некоторых людей тянет на такой риск?..

Ретроспективно – до того, как герои этой книги оказались в безвыходной ситуации, до взаимных упреков и примирений, до драк и извинений, до спасательных операций и встреч с родными, до смертей и похорон – все казалось идеальным. Снаряжение неоднократно проверено, маршруты определены, погода благоприятная, команды настроены на восхождение. Момент, ради которого альпинисты потратили столько времени на тренировки и столько денег, наконец настал. Они собирались стать на вершине второй по высоте горы мира, издать победный крик, развернуть флаги своих стран и позвонить любимым или родным.

Когда Чхиринг и Пасанг падали в темноту, они, возможно, удивлялись – как такое могло случиться с ними.

Часть I

Цель

Вершинная горячка

**Долина Ролвалинг, Непал,
3600 метров над уровнем моря**

Он не ходил, а почти бегал. Он не водил автомобиль, а носился по дорогам на черном мотоцикле Honda. Чхиринг Дордже Шерпа владел семью языками и говорил так быстро, что каждое предложение казалось одним длинным словом, прерываемым восклицаниями. Что бы он ни делал, он делал быстро, не важно – ел, думал, лез на гору, молился. Он не мог сбавить темп. Скорость была заложена в его ДНК.

«Чхиринг» означает «долгая жизнь», но характеризовало его скорее то, как имя произносили англоговорящие: «чииринг»². От Чхиринга исходила жизнерадостная уверенность. Клиентам нравилось его отношение к жизни в духе ты-можешь-сделать-это, у-нас-все-получится, давай-свой-рюкзак.

² Cheer (англ.) – «веселье».

Это было заразительно. Нельзя было спокойно сидеть у палатки, когда он каждые несколько минут вскакивал, бросался вперед, жестикулировал, высказывая свое мнение, плюхался на землю, чтобы тут снова вскочить. Этот тридцатичетырехлетний вечный двигатель редко пил кофе, чтобы взбодриться. Ему и так хватало энергии.

«Чхиринг всегда был сумасшедшим, – отмечает его отец, Нгаванг Тхунду Шерпа. – В детстве он был озорным, непоседой, и я знал, что таким он и останется, когда вырастет».

«От его восхождений зависел наш доход, – говорит младший брат Чхиринга, которого также зовут Нгаванг Шерпа. – Без его денег мы бы не жили так хорошо, как сейчас. Но Чхиринг стал слишком честолюбивым. Я всегда говорил ему: «Притормози». Семья жаловалась, что его работа оскорбляет богов и нарушает привычный образ жизни деревни. И нельзя было отрицать очевидное: горы могли его убить».

Чхирингу пришлось проделать долгий путь до вершины К2. Ведь он жил в отдаленной непальской деревне. Непал, зажатый между Индией и Тибетом, как «батат между двумя валунами», находится в зоне столкновения двух континентальных плит. Когда-то весь этот регион был дном океана Тетис, но в течение шестидесяти пяти миллионов лет Индо-станская плита, двигаясь на север со скоростью, вдвое превышающей скорость роста ногтя, поднимала дно, превращая его в Тибетское нагорье и самый высокий горный массив на Земле. Третью Гималаев, включая южный склон Эвереста, на-

ходится в Непале.

Чхиринг описывает родные места как «в основном камни и лед». Деревню Бединг, расположенную примерно на высоте 3700 метров над уровнем моря, вряд ли найдешь на карте, а если она вдруг и удостоивается чести быть отмеченной, то часто оказывается помещена не в том районе, да и пишут это название по-разному. Бединг находится примерно в пятидесяти километрах к западу от Эвереста, в долине Ролвалинг. Раньше, чтобы добраться туда, приходилось предпринимать настоящий поход: долго трястись в джипе по плохой дороге, затем пешком идти вверх по извилистым тропам, преодолевать вброд реки и проходить по шатким подвесным мостам. После шести дней такого похода, неся на себе еду и палатки, путешественник наконец мог лицезреть деревенский *чортен* – святилище с нарисованными на стенах синими глазами, обведенными красным. Эти глаза, символизирующие взгляд Будды, смотрят на Бединг, даруя надежду верующим и отпугивая злых духов.

Дома здесь построены из камней, дерева, глины и навоза, их окружают покрытые вечными снегами вершины. Одежда детей покрыта слоем серой пыли от морены. Воздух наполнен запахом обмолоченных злаков, от очагов поднимается сизый дым, а облака кажутся такими близкими, как будто можно подпрыгнуть и шлепнуть по ним. Козы, овцы, коровы и помесь коровы с яком – дзо пасутся на террасированных полях, покрывающих окрестные холмы подобно гигантским

ступеням. Ниже река Ролвалинг бросает вверх радужные в солнечном свете брызги.

Шерпы населяют не только Бединг, но и другие деревни долины Ролвалинг. Сейчас словом «шерпа» часто обозначают профессию, но на самом деле это народность, как греки, гавайцы, баски и так далее, причем небольшая – примерно сто пятьдесят тысяч шерпов в Непале составляют менее одного процента населения страны.

Когда описывают родную деревню Чхиринга, чаще отмечают, чего в ней нет: лекарств, электричества, техники, канализации, водопровода, дорог, телефонов. Жителям недоступно школьное образование. Некоторые не имеют понятия, как написать свое имя или какое время показывают часы, и многие знают не день, когда родились, а время года. Главная функция календаря – указывать даты, связанные с жизнью Будды.

Однако сами шерпы Ролвалинга предпочитают говорить о том, что имеют. Это вера и самодостаточная община. Боги рядом, а соседи – все равно что семья. В Бединге жители находят время пообщаться друг с другом, попить чаю и поиграть в *карром* – нечто среднее между бильярдом и шаффл-бордом, когда участники щелчками пальцев загоняют диски в лузы. Местные досконально знают фольклор, сельское хозяйство и топографию региона и говорят на языке, не имеющем письменности, сочетающем восточные и центральные тибетские диалекты, что отражает долгий путь шерпов

в Непал. На тамгни шерп Ролвалинга не говорят больше нигде.

Как и во многих общинах шерпов, жители Ролвалинга в зависимости от сезона перемещаются между тремя деревнями. В «зимней» деревне, расположенной ниже остальных, летом слишком жарко, в «летней» – слишком холодно зимой, а «центральная» деревня, Бединг, является наиболее пригодной для разведения скота и выращивания зерновых. Местные живут «с земли», потребляя в том числе невероятное количество картофеля. Будучи буддистами, эти люди следуют традиции, именуемой по-разному: тантраяной, ваджраяной, а недоброжелатели называют ее ламаизмом.

Исторические хроники Ролвалинга отсутствуют, а легенды различаются в зависимости от воображения рассказчика. Антрополог Дженис Сакерер, изучавшая шерпов Ролвалинга с 1970-х годов, аргументирует сложность исследования их фольклора тем, что «благочестие у них имеется, но вот постоянства нет».

Согласно тибетским хроникам, Ролвалинг – это *беюл*, священная долина, предназначенная стать убежищем для буддистов в смутные времена и сокрытая до времени. Открытие беюла Ролвалинга или даже его создание посредством гигантского коня и плуга приписывается гуру Ринпоче³, об-

³ Гуру Ринпоче (буквально «драгоценный учитель»), или Падмасамбхава («рожденный из лотоса») – индийский учитель буддистской тантры, внесший значительный вклад в развитие тибетской формы буддизма, основатель ньингмы – старейшей школы тибетского буддизма. Считается, что Падмасамбхава подчи-

ратившему тибетцев в буддизм в VIII веке. Спустя несколько сотен лет, когда в Тибет вторглись монголы, предки шерпов перебрались в Непал, а буддистские провидцы рассказывали своим последователям о беюлах на южных склонах Гималаев. Полные пещер и каменных монументов, обладающих духовной ценностью, беюлы являются данью памяти гуру Ринпоче и его супруге Еше Цогьял, целью которой было просветление всех разумных существ⁴.

Правда, в устах отца Чхиринга и других стариков эти легенды звучат не столь «буддистски». По их словам, долина Ролвалинг – центр Вселенной и колыбель жизни, а мир появился восемьсот лет назад, до того как время стало линейным. Гуру Ринпоче и его супруга медитировали в пещере рядом с Бедингом. Но вскоре им пришлось прервать медитацию и начать войну против демонов, чтобы избавить долину от зла.

В ходе битвы крылья и чешуя обдирались как кожа, конечности выкручивались, клыки вырывались. Но демоны вновь набирались сил и пытались скрыть солнце и поднима-

нил демонов и злых духов Тибета, обратив их в буддизм и сделав защитниками учения.

⁴ Падмасамбхава поручил божествам защищать беюлы. Защитные силы проявляются в виде непогоды – метелей, туманов, а также в виде снежных барсов. Буддийские тексты указывают, что беюлы обнаруживаются, когда мир приближается к разрушению. Это долины, напоминающие рай, добраться до которых крайне трудно. Паломники, путешествующие по таким диким и отдаленным местам, испытывают необыкновенные переживания, а неподготовленные люди, пытающиеся проникнуть в беюлы, могут погибнуть.

ли пыль, чтобы боги задохнулись. Гуру Ринпоче приказал своим войскам выбивать врагам глаза. Искалеченные демоны в попытке атаковать вслепую попадали в реку Ролвалинг. Одни утонули сами, остальных утопил гуру, погружая их головы в воду. Те, кто смог вырваться, спрятались в скальных расщелинах.

В конце концов почти все демоны были уничтожены либо укрощены, но война нанесла тяжелый ущерб пахотным землям. Характерные особенности ландшафта Ролвалинга, например массивная скала на ровном участке местности, глубокие ущелья или, скажем, трещина, разделяющая валун надвое, – свидетельствуют о той битве. После войны боги удалились в горы, а гуру Ринпоче и его жена родили пятерых детей, от которых произошли все остальные люди. Некоторые остались жить в долине, но большинство покинуло ее и развратилось. Все мы – из этого большинства.

В наши дни боги недовольны миром за пределами Ролвалинга. Старики предсказывают, что боги, может быть, уже завтра уничтожат цивилизацию, оставив только жителей долины. Старики осуждают любого, кто уходит, утверждая, что покинувшие долину также погибнут.

Молодое поколение смотрит на ситуацию куда спокойнее, считая, что апокалипсическая легенда – своего рода тактика устрашения, применяемая стариками, чтобы их чаще навещали. Согласно стандартной буддистской версии древней легенды, когда гуру Ринпоче странствовал по Гималаям как

святой «охотник за головами», выслеживая демонов и обращая их в свою веру, в горах Ролвалинга жили пять сестер – богинь древней тибетской добуддистской секты, требовавших кровавых жертв.

Однажды гуру Ринпоче прибыл в Ролвалинг, и старшая из сестер, белолицая Церингма, послала в погоню снежного барса. Но гуру приручил барса, и тот замурлыкал. А затем Падмасамбхава начал проповедовать, не прерываясь на еду или сон, пока Церингма не обратилась в буддизм.

Тогда она поднялась на близлежащую гору, которая теперь носит ее имя, а индийцам известна как Гауришанкар, и отказалась от поедания человеческой плоти. Церингма, богиня долголетия, до сих пор живет на этом семитысячнике над Бедингом. Талые воды с ледника питают реку Ролвалинг и, считается, обладают чудодейственными свойствами. Некоторые старики утверждают, что им сто двадцать лет – и все благодаря воде.

После обращения Церингмы в буддизм настала очередь четырех ее младших сестер. Одна за другой они раскаялись и стали буддистскими божествами. Мийо Лангсангма охраняет вершину Эвереста верхом на тигрице, это богиня неиссякаемой щедрости, ее лицо сияет, как чистое золото. Тхинги Шалсангма с телом светло-голубого оттенка стала богиней исцеления и умчалась верхом на кобыле на вершину Шиша-Пангмы, восьмитысячника в Тибете. Краснолицая Чопен Дринсангма стала богиней благосостояния. Верхом на лани

она отбыла на Канченджангу, третью по высоте вершину в мире, расположенную на границе Непала и Индии.

С последней, самой младшей сестрой, зеленолицей Такар Долсангмой, Падмасамбхаве пришлось труднее всего. Она вскочила на бирюзового дракона и улетела на север, к земле трех границ. В фольклоре Ролвалинга это Пакистан. Гуру Ринпоче преследовал ее и, наконец, загнал на один из самых длинных ледников Каракорума, называющийся Чоголунгма. Здесь Такар Долсангма обратилась в буддизм и, прищипорив дракона, поднялась на К2, став богиней удачи. Хотя гуру Ринпоче никогда не сомневался в ее искренности, вероятно, стоило бы: кажется, Такар Долсангме до сих пор нравится вкус человеческой плоти.

* * *

Итак, Ролвалинг – это беюл, приграничная община, даровавшая приют беженцам и охранявшаяся могущественной богиней. К середине XIX века долина стала популярным местом у непальских должников и правонарушителей, которые селились здесь вне досягаемости центральных властей. Сначала рост населения ограничивался недостатком еды. Но в 1880-х годах в этих районах начали выращивать картофель, что более-менее сняло остроту вопроса с продовольствием, и население выросло в четыре раза – примерно до двухсот человек.

Следующим после картофеля значимым «вторжением с Запада» стала группа альпинистов, в составе которой был Эдмунд Хиллари. За два года до того, как в 1953 году Хиллари стал первовосходителем на Эверест, он с британской разведывательной группой прошел через Ролвалинг в поисках лучшего маршрута к горе. Британцы в итоге выбрали другой путь – через долину Кхумбу, но некоторым шерпам Ролвалинга, в том числе шерпу Рите (который, в частности, работал в экспедиции 1953 года и тропил путь для Тенцинга Норгя и Хиллари), предложили работу.

Ролвалинг никогда не переживал такого бурного развития, как долина Кхумбу, где идущие к Эвересту туристы являются источником денег и работы и где Хиллари построил школы, больницу и взлетно-посадочную полосу. В детстве Чхиринга, в 1970-х, Ролвалинг был «самой изолированной, традиционной и экономически отсталой общиной шерпов в Непале».

Торговцы редко проходили через долину, а вьючные животные с трудом поднимались по крутым каменистым осыпавшимся склонам. И местные жители могли рассчитывать только на собственный труд, чтобы прокормиться и одеться. Что такое хлопок, здесь не знали – одежду вязали из шерсти яков. Отец Чхиринга ходил в *чубе* – шерстяном халате поверх штанов, подвязанном поясом. Зимой он надевал обувь из кожи яка, набитую сухим мхом. Его мать носила *унги*, тунику без рукавов, с передником наподобие фартука в

синюю полоску, прикрывающим тело спереди и сзади. Младшая сестра Чхиринга носила такой фартук только сзади, таким образом обозначая, что она не замужем⁵.

Чхиринг родился в 1974 году на полу помещения, служившего для семьи кухней, амбаром и спальней. Мальчик, по словам отца, тети и дяди, был бездельником, любившим убежать из дома и бродить по горам. Родственники до сих пор вспоминают его самый тяжелый проступок: когда Чхирингу было восемь, он играл с огнем и случайно поджег посевы, из-за чего сгорели запасы корма на зиму, и животным пришлось голодать. Отец избил мальчика палкой и даже спустя четверть века не мог простить его.

Детство Чхиринга было омрачено смертями. Однажды его младшая сестра вернулась с поля с покрытой красными волдырями кожей. Когда волдыри выскочили на языке, она умерла от удушья. Другая сестра как-то несла воду с реки и попала под камнепад. Неизвестно, что случилось с двухлетним братом Чхиринга. Однажды его живот раздуло, возможно, он съел что-то ядовитое. Вскоре ребенок умер в муках. Роды третьей сестры стали причиной кровотечения у матери Чхиринга. И мать, и младенец не выжили.

Чхиринг смотрел, как лама выполнял похоронные обряды над его матерью, дергая ее за волосы, чтобы душа покинула

⁵ Вытканые из шерсти полосатые цветастые передники – отличительная черта жительниц горных районов (не только шерпов) по обе стороны непальско-тибетской границы.

тело через голову, шепча ей в ухо советы о загробной жизни. Чхиринг старался не плакать, веря, что из-за этого перед глазами умершей может появиться кровавая пелена, застилающая путь в следующую жизнь. Он был слишком мал, чтобы подняться на холм, где кремировали мертвых, поэтому сидел в комнате, в которой родился, и наблюдал, как дым от тела матери поднимается в небо. Его отец, Нгаванг Тхунду Шерпа, вернулся с похорон и рухнул без сознания.

С той поры отец стал падать в обморок несколько раз в день. Жители деревни считали, что в него вселился злой дух. Обмороки становились более частыми, Нгаванг перестал заботиться о детях, стал молчаливым, забывал поесть и перестал следить за собой. Ночами он часто просыпался с плачем и долго всхлипывал, пока снова не проваливался в забытие.

Поля зарастали бурьяном и сохли без полива, животные разбредались, а дом ветшал. Семья начала голодать, обувь и одежда детей изнашивались. Но как ни старался Нгаванг, он не мог работать. Когда удавалось прийти в себя, он тратил все силы на молитвы, пытаясь задобрить богов. «Я не мог понять, за что они так наказали меня», – вспоминал он.

Когда Чхирингу исполнилось двенадцать, он стал главой семьи. Он распродал оставшийся скот, чтобы купить еду, но вскоре продавать стало нечего. В обмен на картофель он стал работать на другие семьи: носил воду, собирал дрова, убирал в домах. Его сестра, Нима, заботилась об отце и двух младших детях. Чхиринг не зарабатывал достаточно, чтобы

купить новую обувь, но он и его семья все же не голодали, а когда дела шли совсем плохо, помогали родственники.

Когда Чхирингу исполнилось четырнадцать, тети и дяди сказали, что выбора нет. Теперь он мужчина, достаточно взрослый, чтобы жениться, и нужно как можно быстрее выплатить долги отца. Некоторые предлагали покинуть деревню, стать носильщиком и работать на альпинистов и туристов, но Чхиринг не соглашался. Он никогда не уходил далеко от священной долины. Жители почти не покидали Ролвалинг, а кто смог устроиться в туриндустрии, описывали свой труд как унижительный и малооплачиваемый. «Чхиринг казался слишком юным, чтобы работать носильщиком, слишком маленьким, чтобы носить грузы для иностранцев, – вспоминал его дядя Анг Тенцинг Шерпа. – Я сказал ему, что это плохая идея».

Кроме того, Чхиринг опасался живущих в горах богов – ледники были их воплощением. Карабкаться по спине богини или вторгнуться в ее дом считалось кошунством. Дед Чхиринга, Пем Пхутар, работал носильщиком в британской экспедиции 1955 года на Гауришанкар, священную вершину, где обитает Церингма, но в семье редко вспоминали об этом. Многие жители деревни смотрели на альпинистов свысока и говорили о них пренебрежительно.

Тема этих историй была одна и та же, и обычно они заканчивались рассказом об одном немце. Как известно, пятнадцать шерпов погибли в немецких экспедициях на вось-

митысячник Нанга-Парбат в 1934-м и 1937 годах. Даже рейхспортфюрер Гитлера осудил двух участников экспедиции 1934 года, которые бросили команду в непогоду, и, очевидно, у шерпов возник странный стереотип. Жители Бединга говорили о некогда успешном немецком бизнесмене, который попытался подняться на Гауришанкар. Разумеется, он потерпел неудачу, и богиня горы наказала его. В течение года немец лишился зубов, заболел проказой и потерял все, что у него было, кроме жены. Но потом и она ушла от него, и тогда он умер от отчаяния.

Эта история, должно быть, вымысел, но есть и другая, реальная. В 1979 году американский альпинист Джон Роскелли решил подняться на Гауришанкар. Условия на восхождении были настолько сложными, что Роскелли описал свой опыт с некоторой эротической составляющей, предположив, что «богиня любви» хотела «остаться девственницей». Роскелли «уже почти овладел ею», но его напарник «молодой и подающий надежды «тигр»-шерпа⁶ по имени Дордже уговаривал его остановиться. Тем не менее Роскелли «обнял (вершину), словно зад толстой дамы, и полез вверх», и Дордже шел в связке с ним. «Гауришанкар стала нашей, – ликовал амери-

⁶ «Тигр снегов» – звание и медаль за выдающиеся достижения в альпинизме. Учреждены Гималайским институтом альпинизма (Индия) в 1939 году. Присваивались шерпам, сопровождавшим первые альпинистские экспедиции, как за спортивные достижения на горе, так и за успехи в области альпинизма. Последние медали «тигров» были вручены носильщикам индийской экспедиции на Эверест 1965 года.

канец. — Мы были первыми небожествами, достигшими вершины».

Восхождение не имело для Роскелли пагубных последствий, но жители Ролвалинга считали, что оно причинило вред им. В окрестностях горы было ледниковое озеро. Через несколько недель после восхождения естественная перемычка, удерживающая воду, не выдержала, и сошел сель. Поток воды, льда и грязи накрыл трех женщин, молотивших зерно на водяной мельнице. Двух удалось спасти, третья погибла.

Чхиринг не хотел закончить жизнь, как немец, или вызвать паводок, как Джон Роскелли. Он боялся даже заговаривать с альпинистами, по его мнению, все они были помешанными. Зачем тратить уйму денег и подниматься на гору без практической цели? И почему эти люди недостаточно сильны, чтобы самостоятельно нести еду и снаряжение?

Но необходимость и любопытство сделали свое дело. Семья нуждалась, а Чхиринг не мог заработать достаточно сбором дров и поденной работой. Другой его дядя, Сонам Церинг, работавший с альпинистами, сказал, что стать носильщиком — это выход. Учитывая ситуацию Чхиринга, боги не будут гневаться, и он сможет вернуться домой богатым.

Так в возрасте четырнадцати лет Чхиринг отправился в столицу, пройдя большую часть пути пешком. Добравшись до Катманду, он обнаружил, что старики не преувеличивали. Об апокалипсисе, который по предсказаниям должен был произойти за пределами Ролвалинга, знали все. Даже

посольство США раздавало спасательные комплекты. Кажется, столица была обречена.

* * *

Катманду ждал очередного крупного землетрясения, способного сровнять город с землей. Подземные толчки, произошедшие в 1253, 1259, 1407, 1680, 1810, 1833, 1860 и 1934 годах, разрушали храмы и убивали тысячи человек. Следующее землетрясение должно было стать еще разрушительнее. Катманду разросся до миллиона жителей, большинство из них живут в кирпичных домах на малозаглубленных фундаментах. ООН, оценив риски, начала кампанию по обеспечению готовности к землетрясению, но, кажется, никто особо не переживал. Фатализм – характерная черта жителей Катманду⁷.

Если в городе и существуют правила дорожного движения, то они «дарвиновские». Зеленый свет означает «полный вперед», желтый свет тоже означает «полный вперед», красный свет означает «полный вперед», при этом отчаянно сигнали. Средневековые улочки старого города слишком узки и переполнены автомобилями, на дорожную разметку мало кто обращает внимание, а ремни безопасности – нововведе-

⁷ Последние крупные землетрясения в Непале имели место в апреле-мае 2015 года, их магнитуда составила от 7 до 8. В результате погибли около 9 тысяч человек, 14 тысяч пострадали.

ние. Попавшему в Катманду придется лавировать в мешанине из автобусов, велосипедов, коров, кур, детей, собак, тележек с едой, прокаженных, мопедов, разносчиков, паломников, митингующих, крыс, рикш, нечистот, детских колясок, такси, грузовиков и мусора.

За городом ландшафт не настолько пестрый, но в изобилии небольшие кирпичные фабрики, выбросы которых загрязняют воздух. Долина Катманду похожа на чашу в окружении гор, и скапливающийся смог часто не рассеивается в городе даже за ночь. Количество твердых частиц в воздухе почти всегда превышает установленные Всемирной организацией здравоохранения нормы, поэтому люди носят маски, чтобы не дышать пылью и выхлопами.

Парадоксально, но загрязненный город начался с тенистого дерева. По легенде, индуистский бог Горакхнатх, как многие современные водители, не соблюдал преимущественное право проезда. Он мчался на праздник, врезался в праздничную процессию с колесницей, а чтобы избежать позора, обратился человеком. Однако свидетели задержали его. В качестве залога освобождения Горакхнатх посадил в землю семя. Из него вырос сал⁸, настолько высокий, что стал царапать небесный свод. Один монах срубил дерево и использовал древесину для постройки трехэтажного храма Кастамандап. Этот храм – одно из старейших деревянных строений в

⁸ Вид деревьев семейства диптерокарповые.

мире. От его названия произошло слово «Катманду»⁹.

В 1950-х годах столица Непала стала отправным пунктом для альпинистских экспедиций. В 1960-х за восходителями последовали хиппи, а пропахшая определенным фирмиа-мом Фрик-стрит до сих пор дает приют представителям движения «Нью-эйдж». Туризм составляет значительную часть экономики Непала, и Катманду зависит от него. Гиды, проститутки, наркоторговцы и мессии-самозванцы толпятся в популярных у туристов местах семь дней в неделю.

Чхиринг поселился в так называемом Малом Тибете – общине буддистских беженцев, бежавших из Тибета от китайского вторжения в 1950–1960-х годах. Соседи помогли юноше адаптироваться к городской жизни, а расположенная рядом ступа Боднатх давала ощущение стабильности. Боднатх, считающаяся одной из величайших буддистских святынь Непала, представляет собой реликвию. В буддизме форма ступы символизирует гору Меру – центр мироздания, – вершина которой расположена в небесах, а основание в аду. По приезду в Катманду в первый же день Чхиринг присоединился к толпе верующих, в молитве идущих вокруг ступы. Он повторял этот ритуал каждое утро, пока дядя не нашел ему работу носильщиком за три доллара в день.

На этой работе Чхиринг в течение месяца переносил по-

⁹ Это одна из легенд происхождения храма. В результате упомянутого выше землетрясения 2015 года Кастамандап разрушился, что дало возможность ученым определить его возраст. Анализ песка и других материалов, взятых в основании здания в ходе раскопок, показал, что Кастамандап построили в VII веке.

клажу весом в тридцать два килограмма – керосин, горелки и альпинистское снаряжение – к подножию пика Айленд в районе Эвереста. Японские клиенты были удивлены, что подросток в состоянии нести такой большой груз по крутым тропам, не жалуясь, и высоко ценили его жизнерадостность. Чхирингу эти туристы показались вполне нормальными, к концу месяца он заработал девяносто долларов. Никогда в жизни он не видел столько денег.

Значительную часть заработка юноша потратил на еду, обувь и одежду, которую отвез своей семье в Бединг. Через несколько недель он вернулся в Катманду в поисках новой работы. И вскоре Чхиринг уже по полгода работал за пределами Ролвалинга. Он умел найти подход к клиентам, учил их языки и довольно быстро выдвинулся на первые позиции среди носильщиков, так как мог выступать в роли переводчика. Когда Чхирингу исполнилось шестнадцать, женская альпинистская команда, впечатленная выносливостью юноши и знанием английского, предложила ему работу на Эвересте. Чхирингу еще никогда не доводилось подниматься на ледник, но предложение он принял.

Западные альпинисты проводят годы в подготовке к восхождению на Эверест, а для многих шерпов это своего рода тренировочная площадка. В первую неделю восхождения некоторые шерпы, никогда прежде не бывавшие на горе, тропят, несут грузы и устанавливают палатки для профессиональных гидов и их клиентов. На Эвересте это име-

ет определенный смысл. На него поднялись тысячи человек. Маршруты известны, подъем не требует серьезных альпинистских навыков, а плата помощнику-носильщику внушительна – около трех тысяч долларов плюс бонус за каждого добравшегося до вершины клиента. Шерпы лучше акклиматизируются к высоте, чем их клиенты, и часто обладают большой силой и хорошим вестибулярным аппаратом. На Эвересте эти способности в некоторой степени компенсируют отсутствие опыта.

Но есть еще одна причина, почему шерпы начинают с Эвереста. Большинство верит, что подняться на него можно без возмездия со стороны богов, что богиня Мийо Лангсангма лишь изредка наказывает вторгшихся в ее владения. Если ей не нравится восхождение, прагматизм берет верх над неудовольствием. Богине неиссякаемой щедрости нравится видеть, что благосостояние шерпов растет. «Пока вы относитесь к Мийо Лангсангме с уважением, просите прощения и вам хорошо платят, она не препятствует восхождению, – говорил Нгаванг Осер Шерпа, главный лама Ролвалинга. – Она самая милостивая из пяти сестер, но все же на горы лучше не залезать».

В 1991 году Чхиринг впервые поднялся на Эверест. Поначалу все казалось довольно простым. У него не было специальной подготовки и не хватало снаряжения, но другие шерпы показали, как надевать кошки, как пользоваться ледорубом, и он занес кислородные баллоны общим весом тридцать

два килограмма на высоту 7900 метров, на Южное седло. Но на пути вниз разразилась буря. Температура резко упала, и пальцы Чхиринга посерели от холода. Все спешили добратсья до палаток, и юноша старался не отставать. В какой-то момент он ступил на гладкий пласт льда. Льдина перевернулась, как крышка люка, и Чхиринг провалился по плечи. Он хватался за снег, но замерзшие пальцы не слушались, и он съехал в трещину еще глубже и повис. Ноги болтались без опоры, и выбратсья не удавалось.

Казалось, прошли часы. Он почти замерз, когда другой носильщик, которого тоже звали Чхиринг, заметил его и вытянул за воротник. Старший Чхиринг был очень зол и отругал подростка, сказав, что тот еще слишком молод для Эвереста.

Эта отповедь дала обратный эффект. Чхиринг почувствовал себя униженным и, наоборот, решил, что взойдет на гору. Что-то в этой неудаче, в осознании того, что получилось бы достичь вершины, будь у него перчатки потолще и ботинки потеплее, стало стимулом. Мальчик решил, что станет лучшим альпинистом среди шерпов. Другим стимулом были деньги. Он заработал 35 тысяч рупий, или около 450 долларов, на своем первом подъеме на Эверест. Это менее пятой части того, что получали опытные шерпы, но больше, чем средний непалец зарабатывал за год. А Чхиринг получил такую сумму за месяц.

Следующие два года Чхиринг продолжил работать с аль-

пинистами, перенимая опыт у своего дяди Сонама. Но в 1993 году очередная экспедиция стала для четырежды побывавшего на Эвересте Сонама последней. Он отправился на гору со своей подругой Пасанг Ламу, которая хотела стать первой непальской женщиной на Эвересте. Они вдвоем поднялись на вершину 22 апреля.

Наверняка Сонам молился Мийо Лангсангме и просил прощения за вторжение в ее священные владения. Но когда он с Пасанг Ламу спускался к Южному седлу, вершину горы окутало облако, похожее на перевернутую чашу. Такое явление означает приближение непогоды. И вскоре Пасанг и Сонам вместе с еще тремя участниками экспедиции прижимались друг к другу, борясь с бешеным ветром.

Мийо Лангсангма не помогла им. Ураганный ветер не давал людям сдвинуться с места двое суток, и все они погибли. Вероятно, Сонам прошел несколько сотен метров вниз, прежде чем сорваться. Альпинисты нашли его рюкзак под телом Пасанг Ламу.

Чхиринг отказывался поверить в смерть дяди. Сонам уверял, что на Эверест можно подняться без серьезных последствий. «Я понял, что он ошибался, – сказал Чхиринг. – Стоило завязать с восхождениями и отправиться домой». Но, вернувшись в Бединг, он увидел силу денег. Его шестилетний брат потолстел и носил новую обувь. Его сестра училась читать. Отец перекрыл крышу дома не из подручных материалов, а из гофрированной жести. Хотя семья оплакивала

Сонама, никто из родственников Чхиринга не попросил его бросить работу. «А я и не смог бы, – сказал он. – И не хотел».

В следующем году Чхиринг вернулся на Эверест с норвежской командой и зарекомендовал себя как выносливый и хороший работник. И вскоре уже он работал с командами из Бельгии, Англии, Франции, Германии, Индии, Японии, Норвегии, России, Швейцарии и США.

Чем больше было работы, тем более амбициозным он становился. Когда клиенты просили нести двадцать килограммов груза, он брал сорок. Он стал не только переносить поклажу, но по собственной инициативе провешивал веревочные перила, тропил путь, помогал в организации экспедиций. Он перестал пользоваться искусственным кислородом, который сторонники чистого стиля в альпинизме считают допингом. Эверест стал просто работой, Чхиринг десять раз побывал на вершине и установил рекорд, трижды поднявшись на гору за две недели.

Родные видели, что он меняется. По непальским меркам Чхиринг стал богатым. Он перестал обращать внимание на пророчества старейшин и иногда совершал восхождения не ради денег, а для удовольствия. Его лама предупреждал, что наказание за это – лишь вопрос времени. Отец Чхиринга, к которому вернулось здоровье, решил, что сын сошел с ума. Старики боялись, что молодежь, видя доходы Чхиринга, покинет деревню.

Они были правы. Когда Чхиринг по окончании сезона

восхождений возвращался домой, на нем были фирменные ботинки La Sportiva и куртка марки North Face. Он приносил топливо, продукты, одежду. Он описывал городские диковинки, такие как мотоциклы и телевизоры. Подростки слушали с благоговением. Возможно, альпинизм является грехом, но он, несомненно, делает тебя богатым. И многие юноши стали уезжать на заработки в Катманду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.